

2008-6

КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Жусупа Баласагына

Межведомственный диссертационный совет Д.10.07.341

На правах рукописи
УДК 82:882-3(043-3)

ПЛЕХ ЗОЯ ИВАНОВНА

Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова).

Специальность 10.01.02 – Русская литература
(Филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Бишкек – 2008

Работа выполнена на кафедре «Русского языка и литературы» Ысык-кульского государственного университета им. К. Тыныстанова.

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук, доцент Б.Т. Койчуев

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор А.С. Кацев,
кандидат филологических наук, доцент В.М.Озмитель

Ведущая организация:

Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
кафедра
«Теории и Истории русской литературы»

Защита состоится «14» марта 2008 г. в «15-00» часов на заседании Межведомственного диссертационного совета Д.10.07.341 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата филологических наук) при Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына (соучредитель – Центр манасоведения и художественной культуры НАН КР) по адресу: 720033, г. Бишкек, просп. Манас, 101

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке КНУ им. Жусупа Баласагына

Автореферат разослан «14» ок 2008 г.

Ученый секретарь

кандидат филологических наук,
доцент

С.М.Османов

Н.С. Сыдыков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы. Тема, вынесенная в название диссертации, по праву может считаться одной из актуальных. Она связана с именами писателей, относящихся к так называемым «возвращенным именам», решает проблему перехода жанра утопии в антиутопию, определяет специфические черты антиутопии как литературного жанра. Художественные формы различного рода утопий берут своё начало с античной, средневековой литературы. В Европе моделями идеального государства стали «Утопия» Томаса Мора и «Город солнца» Томмазо Кампанеллы. Идея общественного блага является одной из центральных идей жанра утопии.

В России литературная утопия появляется в XVIII веке и наследует многие традиции утопии европейской.

Как средство превращения мечты в реальность восприняли многие писатели революцию 1917 года. Октябрь, разрушивший основы прежнего миропорядка, породил целую волну утопических сочинений. Однако попытка реализации утопии обернулась трагедией для миллионов людей, насильственно лишенных индивидуальной свободы. В XX веке в эпоху жестоких экспериментов по реализации утопических проектов оформляется как самостоятельный жанр антиутопия. Антиутопия, которую еще называют негативной утопией, предполагает изображение отрицательных последствий социальных экспериментов, в основе которых лежит построение «общества будущего», соответствующего определенной идеологической модели. Разоблачая мифы об идеальном социальном устройстве, антиутопии сатирически заостряют заблуждения утопистов. Литературная утопия обретает особое звучание в XX веке, в эпоху социальных революций и технического прогресса. В книгах-предупреждениях «Мы» Е. Замятина, «Роковые яйца», «Собачье сердце» М. Булгакова, «Чевенгур», «Котлован» А. Платонова, показаны перспективы развития тоталитарной модели государства, губительно воздействующей на человеческую личность.

Глобальные и социально-экономические проблемы современности способствуют дальнейшему развитию жанров утопии и, в большей степени, антиутопии, в которых авторы предлагают свои модели общественного устройства.

Актуальность исследования обусловлена задачами современной литературоведческой науки. Проблема жанра всегда оказывается одной из главных, когда дело касается установления основных параметров литературы либо новой эпохи, либо «возвращенной». Эта проблема приобрела особую значимость тогда, когда сама жизнь, современный мир с его непримиримыми противоречиями продиктовали необходимость возникновения новых жанровых образований – антиутопии, дистопии.

Материалом исследования являются произведения Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова. При этом типологическое сходство мировосприятия, выраженное в антиутопии, позволяет выявить собственную мировоззренческую концепцию названных писателей, устанавливающую закономерности перехода жанра утопии в антиутопию. В орбиту нашего исследования вовлекаются также историко-литературные явления и процессы, которые способствуют более глубокому изучению типологических особенностей жанра антиутопии.

Методологическую основу диссертации составили принципы сравнительно-типологического и историко-культурного методов исследования.

Метод сравнительно-типологического анализа, положенный в основу настоящего диссертационного исследования, показал общее и индивидуальное в творческих исканиях Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А. Платонова. При этом необходимо отметить, что научно-результативным, с нашей точки зрения, может быть лишь сравнение, вскрывающее внутреннюю связь, своеобразие и типологические особенности творческих поисков разных художников, связанных с одной исторической почвой. Следовательно, научное исследование должно быть направлено и на изучение закономерностей жизненного процесса, отражение нравственно-философского содержания эпохи, исторической психологии людей.

Степень изученности и научная новизна исследования. Творчество Е.И. Замятина, А.А. Платонова, М.А. Булгакова вызывает интерес как российских, так и зарубежных литературоведов. Произведения названных писателей как предмет научного исследования неоднократно подвергались осмыслению в теоретическом и историко-литературном аспектах. Существенным вкладом в изучении жан-

ровой определенности произведений писателей является книга М.А. Бришанской «Русская антиутопия XX века».¹

Большое значение для понимания жанровой определенности произведений Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А. Платонова имеют и труды других исследователей, в основе которых лежит принцип сравнительно-исторического анализа.²

Значительно обогатили представление о жанрах утопии и антиутопии монографии Э.А. Маркенштейна «Дом и котлован, или мнимая реализация утопии» и В.М. Чаликовой «Утопия свободы». Обращает на себя внимание и книга В.Б. Свительского «Испытание историей».³

Отметим сборник научных трудов «Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры», межвузовский сборник научных трудов «Проблемы типологии литературного процесса», тематический сборник статей Воронежского университета «Система жанров и историко-литературный процесс».⁴ Однако следует заметить, что авторы вышеперечисленных исследований уделяют большее внимание общественно-политической тематике, влияющей на законы, по которым развиваются жанры, нежели собственно жанровым особенностям произведений, их поэтике.

Особый интерес представляют исследования, где четко обозначился ряд малоизученных аспектов интересующих нас проблем, таких, например, как связь психологии людей с жанром и идейной

¹ Бришанская М.А. Русская антиутопия XX века. – М., 1994.

² См.: Лейдерман Л.Я. Движение времени и законы жанров. – Свердловск, 1982; Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. – М., 1995; Малыгина Н.М. Эстетика Платонова. – Иркутск, 1985; Шубин Л.П. Андрей Платонов. – М., 1989; Яновская Л.Е. Творческий путь Михаила Булгакова. – М., 1989; Галушкин А.М. Возвращение Евгения Замятина. – М., 1999; Поспелов Г. Проблемы исторического развития литературы. – М., 1982; Фоминко Л.П. Человек в философской прозе Платонова. – Калинин, 1995; Шубин Л.Н. Поиски смысла отдельного и общего существования. – М., 1997.

³ Свительский В.Б. Испытание историей. – Воронеж, 2001.

⁴ Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. – М., 1984; Проблемы типологии литературного процесса // Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1992; Система жанров и историко-литературный процесс. – Воронеж, 1989.

направленностью произведения, отражение нравственно-философского содержания эпохи в психологии героев.¹

Вопрос перехода жанра утопии в жанр антиутопии привлекает пристальное внимание литературоведов. Свидетельством тому является обсуждение данной проблемы в «Вопросах литературы» (1994, № II, V; 1995, № V; 1996, №III), в «Вестнике Московского университета» («Русская литература XX века в прошлом, настоящем и будущем», 2001. – №1,) на научно – методических конференциях «Преподавание новейшей отечественной литературы на филологических факультетах университетов Российской Федерации» (Липецкий эколого–гуманитарный институт, 2000), «Русская литература XX века. Итоги и перспективы» (Москва, 2000).

Таким образом, в своих кардинальных аспектах творчество Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А. Платонова как предмет научного исследования рассматривалось достаточно широко. Однако творчество указанных писателей сквозь призму темы представляемого диссертационного исследования не изучалось, что и определяет его *научную новизну*.

В работе выносятся в качестве *научной гипотезы* утверждение о появлении художественного жанра, идейным стержнем которого является борьба за человека, ставшего предметом социального эксперимента, в основе которого лежит построение общества будущего, соответствующего определенной идеологической модели. Жанровые доминанты антиутопии ведут к существенной трансформации поэтики произведений, авторы для выражения ведущей проблематики уклоняются от традиционного психологического письма в сторону гротеска, сатиры, фантастики, философской притчи, антиробинзоны.

В представляемом диссертационном исследовании предпринимается попытка историко-теоретического обоснования перехода жанра утопии в антиутопию в творчестве Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А.Платонова, определения роли и места сатиры, фантастики, философской притчи в романе Е.И. Замятина «Мья»; повестях М.А. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце», романе А.А. Платонова «Чевенгур» и

¹ Давыдова Т. Антижанры в творчестве Е.Замятина. – М., 1997; Хеттени Ж. Мое прочтение Замятина. – Будапешт, 1997; Чаликова В. Утопия и свобода. – М., 1994; Малагина Н. Путь к всеобщей гармонии: Платонов и Достоевский //Литература в школе. –1999. -№7; Шохина В. На втором перекрестке утопий //Звезда. –1990. – №7.

повести «Котлован», выявления продуктивности жанра антиутопии в современной русской литературе. Такая постановка проблемы монографически исследуется впервые. Этим и определяется *научная новизна* данной диссертационной работы.

Основная цель работы – установление закономерностей перехода утопии в антиутопию в русской литературе послеоктябрьского периода, выявление специфических черт антиутопии как литературного жанра, отражающего закономерности социального процесса и нравственно-философское содержание эпохи.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Проследить особенности функционирования жанра утопии в русской литературе XVIII – XIX вв.
2. Выявить связь произведений Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А. Платонова с нравственно-философским содержанием исторической эпохи, психологическими концепциями как неотъемлемыми факторами возникновения жанра антиутопии.
3. Установить ведущие тенденции творческих исканий Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А. Платонова в отображении отрицательных последствий социальных экспериментов, в основе которых лежит построение «общества будущего», соответствующего определенной идеологической модели.
4. Выявить художественные функции сатиры, фантастики, философской притчи в произведениях М.А. Булгакова, А.А. Платонова, Е.И. Замятина.
5. Определить типологические черты и своеобразие жанра антиутопии в творчестве сопоставляемых писателей.
6. Выявить продуктивность жанра антиутопии в современной русской литературе, опирающейся на традиции предшествующей литературы и одновременно актуализирующей современную социально-историческую проблематику.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Наряду с героико-романтической жанровой тенденцией в русской литературе 20-х годов, породившей утопические представления о революции как воплощение мечты об идеальном устройстве общества, появляется негативная утопия или антиутопия

2. Писатели-утописты чаще всего оставляют без внимания те пути, которыми достигается изображенный ими миропорядок. Авторы антиутопии обращают особое внимание именно на пути построения «идеального общества», ибо убеждены, что мир антиутопии – результат попыток реализовать утопию.

3. В процессе превращения утопии в антиутопию заключён своеобразный закон, согласно которому утопия с ее идеей свободы с фатальной неизбежностью оборачивается антиутопией, и конечным результатом становится абсолютная несвобода, прямо противоположная провозглашенным идеальным целям.

4. Разоблачая мифы об идеальном социальном устройстве общества, антиутопии сатирически заостряют недостатки и заблуждения утопистов. В книгах-предупреждениях Е. Замятина «Мы», М. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце» А. Платонова «Чевенгур», «Котлован» показаны перспективы развития тоталитарной модели государства, губительно воздействующей на человеческую личность. Авторы антиутопий используют в произведениях элементы сатиры, фантастики, философской притчи, антиробинзоны.

5. В антиутопии всегда изображено насилие над историей, которую упрощают, стараясь выправить ради безжизненного идеала. Герою антиутопии суждено пережить это насилие как собственную жизненную драму, и человека она ставит перед нравственным выбором.

6. Одной из важнейших задач антиутопии в отличие от утопии, как показывает анализ произведений Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.А.Платонова, является *предупреждение* о том, что может привести к стагнации, к потере духовного начала.

7. Столкновение утопических представлений о коммунизме с реальной практикой строительства социализма приводит писателей к жанру антиутопии.

8. Утопия не может замыкаться только в современности, однако ее претензии окажутся ложными и в том случае, когда историю и земную реальность игнорируют, безоглядно воспаряя к высотам идеала, каким бы он ни был. Весь опыт антиутопии XX в. служит этому подтверждением. Проблематика, которая в ней преобладает, была действительно в высшей степени актуальной на протяжении всего столетия, представлявшего собой непрерывный поиск утопии, способной устоять в испытаниях движущейся истории, а оттого хроника этого времени содержит так много ложных озарений, сменяв-

шихся метафизическим разочарованием, так много конвульсий, заблуждений и катастроф.

9. Авторы антиутопий для выражения ведущей проблематики, уклоняются от традиционного психологического письма в сторону гротеска, сатиры, фантастики, философской притчи, антиробинзоны. Отказываясь от привычных беллетристических сюжетов и героев, т.е. от всего того, что обладало проверенным эстетическим качеством, литература перешла к освоению «мифологического письма». Коренным свойством антиутопии является то, что она всегда оспаривает миф, создаваемый утопистами.

10. Антиутопия – это тип художественного социально-философского синтеза, особый тип художественности. По своему существу антиутопия является опытом социальной диагностики, а литературные приемы, свойственные всякому утопическому повествованию (условные острова, планеты, эпохи) – способ, помогающий сделать диагноз более точным.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах, при изучении основных тенденций развития современной литературы. Содержание и направленность исследования позволяет использовать его результаты в работе учителя-словесника в старших классах средней школы, на курсах повышения квалификации учителей.

Апробация работы. По теме диссертационного исследования проводится спецсеминар в Исык-Кульском государственном университете им. К. Тыныстанова.

Основные положения работы отражены в публикациях, список которых приводится в конце автореферата, и в докладах, сделанных на научных конференциях:

«К вопросу изучения повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Научно-практическая конференция ИГУ им. К. Тыныстанова (2000, 12–15 мая); «Идейно-тематическая направленность повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Научно-теоретическая конференция ИГУ им. К. Тыныстанова (2001, 17–19 ноября); «Элементы утопии и их воплощение в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Юбилейная научная конференция ИГУ им. К. Тыныстанова (2002, 15–17 мая); «От утопии к антиутопии (к изучению романа Е.И. Замятина «Мы») // Исык-Кульская областная

научно-теоретическая конференция учителей русского языка и литературы (2003, 23–25 марта).

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы.

Во введении обоснованы актуальность проблемы, определяется научная новизна и практическая значимость работы, раскрывается степень ее изученности, выдвигается научная гипотеза, формулируются цели и задачи исследования, характеризуется методологическая основа.

Первая глава – «Жанр утопии в литературе XVIII-XIX веков» – посвящена исследованию проблемы становления жанра утопии в русской литературе XVIII-XIX веков. Для того чтобы глубже понять жанровую природу утопии, типологические характеристики и индивидуальное своеобразие в художественной манере М. Щербатова, А. Радищева, Н. Чернышевского, Ф. Достоевского, композиционно первая глава построена следующим образом: сначала анализируются произведения античной, средневековой литературы, связанных со становлением жанра утопии (§1 Становление жанра утопии в античной, средневековой зарубежной и русской литературе), а затем рассматриваются произведения русской литературы XIX века (§ 2. Ведущие тенденции жанра утопии в русской литературе XIX века).

Многочисленные проекты идеального государства, начиная с диалогов античного мыслителя Платона (427–347 до н.э.), породили философскую и эстетическую традицию в европейской культуре и положили начало формированию нового литературного жанра, который окончательно оформился в эпоху Возрождения благодаря появлению целого ряда книг, среди которых была известная «Утопия» Томаса Мора, давшая впоследствии название этому жанру.

Утопия как литературный жанр предполагает описание общественной, государственной и частной жизни воображаемой страны, которая отличается идеальным политическим укладом и всеобщей социальной справедливостью. Авторы утопий, используя мотив путешествия и образ путешественника, стремятся создать иллюзию достоверности, чтобы тем самым доказать возможность и осуществимость такого устройства жизни, где все будет подчинено идее всеобщего блага.

В России литературная утопия появляется в XVIII веке и наследует многие традиции европейской, в частности мотив путешествия, образ путешественника, описание неведомых стран. Если М. Щербатов в книге «Путешествие в землю Офирскую» в поисках «золотого века» обращается к прошлому, то утопические картины земного блаженства, созданные А. Радищевым и писателями-декабристами, переносят читателя в далекое будущее, где социальный прогресс и гуманизм по отношению к отдельной личности достигли воображаемого совершенства. И если находить счастливые страны на воображаемых островах утопистам помогают путешествия, то для перемещения во времени они нередко придавали своим сочинениям форму сна. Такая форма чрезвычайно характерна для русских утопий XVIII-XIX веков, среди которых «Счастливое общество» А. Сумарокова, сон в главе «Спасская Полесь» в книге А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», четвертый сон Веры Павловны в романе Н. Чернышевского «Что делать?», «Сон смешного человека» Ф. Достоевского. Рассказывая о социальном и политическом устройстве вымышленной страны, князь М. Щербатов в книге «Путешествие в землю Офирскую» по сути дела обращается к российской действительности и пытается нарисовать идеальный образ общественного правления, который связывает с просвещенной монархией.

Форма сна позволяет авторам создать картину не только идеального места, но и идеального времени. Такой вариант утопии в литературоведении иногда называют ухронией (от греческого слова время, т.е. время, которого нет). Литературная утопия второй половины XIX века связана с социалистическими идеями, которые нашли яркое воплощение в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Утопическая мысль писателя направлена не к идиллии прошлого, а к будущему. Наряду с социальными проблемами Н.Г. Чернышевский решает и нравственно-эстетические, позволяющие в четвертом сне Веры Павловны создать идею абсолютной гармонии.

В рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» с наибольшей полнотой определен контраст: что было там, в «золотом веке», и что есть теперь в век Ваала – бога крови и золота.

«Утопия дает человеку и обществу стимул к саморазвитию, к постоянному движению. Идея «золотого века», «рая на земле», пре-

красна быть может именно в своей невоплотимости¹», – отмечает Л. Айзерман. Мир не может жить без мечты, однако в любой утопии изначально заложено немало противоречий. основополагающие идеи утопии – это социальное равенство, разумное государственное устройство, материальное благополучие. На деле всеобщее уравнивание людей оборачивается насилием над самой человеческой природой.

По сути дела в качестве идеала авторы утопий в своих книгах выводят общество абсолютно одинаковых людей, насильственно лишенных индивидуальной свободы, общество, остановившееся в своем развитии. Может быть, прав был Ф. Достоевский, давая отповедь подобному утопизму в «Записках из подполья»? Гарантированное благо, по мнению героев «Записок», ужасно скучно, потому что «что ж и делать тогда, когда все будет расчислено по табличке».

Если утописты наивно полагали, что «счастье быть как все» и есть истинная свобода, то в легенде о Великом Инквизиторе в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», люди сами отказались от свободы, как тяжкого бремени. Действительно, в легенде Ф.М. Достоевский сконцентрировал все, что беспокоило его, внушало опасения и тревожило в социалистических проектах и идеях. Здесь и сосредоточенность на социально-экономических вопросах как ключевых, недооценка проблем духовных, нравственных, культурных. Здесь и пренебрежение интересами личности в пользу коллектива. «Одним из первых, осознавших опасность фантастического и утопического сознания, Достоевский со своей легендой явился, по сути, основоположником жанра антиутопии²», – делает вывод Л. Сараскина. Ф.М. Достоевский предвосхитил возможность трансформации великой идеи, построенной на справедливости в мысли, оправдывающей насилие, несправедливость и полное презрение к конкретному человеку. Программа перерождения человека связана с образом человека без религиозных предрассудков, без моральных рефлексий, без нравственных оснований, без аристократических желаний и без избытка переживаний. Выйдя из безграничной свободы, такой человек закончит безграничным деспотизмом. В этом процессе заключена логика превращения утопии в антиутопию,

¹ Айзерман Л. Русская классика накануне XXI века // Литература в школе. – 1997. – №1. – С. 29.

² Сараскина Л. «Бесы» – роман – предупреждение. – М., 1990. – С.191.

такой человек закончит безграничным деспотизмом. В этом процессе заключена логика превращения утопии в антиутопию, своеобразный закон, согласно которому утопия с ее идеей свободы с фатальной неизбежностью оборачивается антиутопией, и конечным результатом становится абсолютная несвобода, прямо противоположная провозглашенным идеальным целям.

Пути реализации утопии очевидны: чтобы создать общество, идеальное с точки зрения утопистов, необходимо изменить самого человека. Авторы утопий чаще всего оставляют без внимания те пути, которыми достигается изображенный ими миропорядок. Авторы антиутопии обращают особое внимание именно на пути построения «идеального общества», ибо убеждены, что мир антиутопии – результат попыток реализовать утопию.

Разоблачая мифы об идеальном социальном устройстве общества, антиутопии сатирически заостряют недостатки и заблуждения утопистов. В книгах-предупреждениях Е. Замятина «Мы», М. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце» А. Платонова «Чевенгур», «Котлован» показаны перспективы развития тоталитарной модели государства, губительно воздействующей на человеческую личность. При этом авторы антиутопий используют в своих произведениях сатиру, фантастику, философскую притчу, антиробинзонаду.

Во второй главе – «Становление жанра антиутопии в русской литературе послеоктябрьского периода» (роман Е. Замятина «Мы»), – рассматривается проблема функционирования жанра утопии в русской литературе послеоктябрьского периода, прослеживаются пути перехода утопической идеи в антиутопию в романе Е. Замятина «Мы».

В главе осмысливается отображение нравственно-философского содержания эпохи в творчестве Е. Замятина, выражается мироощущение людей периода революционных преобразований, выявляются взгляды писателей, ставших свидетелями и участниками революции, как средства превращения утопической мечты в реальность.

Футурологическая проблематика романа Е. Замятина «Мы» пронизана чувством трагически ошибочного выбора, тревогой за человека, предостережением для тех, кто волей или неволей на себе испытал последствия социальных экспериментов. Описание будущего Единого Государства ни в чем не отстает от канонов классиче-

ской утопии: «стеклянные купола аудиторнумов», «божественные параллелепипеды прозрачных жилищ». Однако автора интересует не столько техническое величие нового общества, сколько его духовное состояние. Главное в сюжете романа – превращение человека в винтик, трагедия преодоления человека в человеке. Причем «Великая Операция» расчеловечивания встает как вполне реальная альтернатива истории. И тем более реальная и опасная, что осуществляется под лозунгом гарантированного блага, если человек откажется от себя, перестанет быть человеком, растворится в воле и функциях «Единого Государства».

Сюжет замятинского романа «Мы» первоначально во многом «проигран» в повести «Островитяне». В «Островитянах» уже обозначена идея Единого Государства как безупречной и безошибочной машины, с гарантией, ведущей к желанной цели. В недрах «островитянской» культуры вызревает модель грядущего мира – с одинаковым для всех и гарантированным благом.

Всевозможные варианты «светлого будущего» создавались в то время с революционным азартом и пафосом претворения мечты в жизнь. Революция переживала свой, утопический период пока в сравнительно безобидной форме. Особого внимания заслуживают утопии «пролетарской культуры», выраженные в творчестве А. Гастева, В. Кириллова, В. Маяковского, В. Александровского и др. «Мы несметные, грозные легионы труда. Мы победили пространства морей, океанов и суши», – упоенно декламирует талантливый поэт Владимир Кириллов. Футуристы в своих манифестах трактуя тотальное разрушение как созидание: «Бейте в площади бунтов топот, / Выше гордых голов града! / Мы разливом второго потопа / Перемоем миров-города! (В. Маяковский «Наш марш»). В другом марше «Мы идем» В. Маяковский популярно разъясняет: «Мы разносчики новой веры, / Красоте задающей железный тон, / Чтоб природами хилыми не сквернили скверы, / В небеса шарахаем железобетон».

Едва ли не полвека эти настроения были господствующими в пропагандистских установках, способствуя превращению утопической мечты в трагическое бытие личности в рамках тоталитарной системы.

«Мы» – роман о будущем, но это не мечта, не утопия – это антиутопия. В нем проверяется состоятельность мечты.

Идеальный общественный уклад достигнут насильственным упразднением свободы. Всеобщее счастье каждого человека – его

подавление, нивелировка, а то и физическое уничтожение. Но почему же насилие над личностью вызывает у людей восторг? Дело в том, что у Единого Государства есть верное оружие – это слово. Именно слово может не только подчинить человека чужой воле, но и оправдать насилие и рабство, заставить поверить, что несвобода и есть счастье. Этот аспект романа особенно важен, так как проблема манипулирования сознанием особенно актуальна в современной действительности. Идеология Единого Государства выражается в стилистике произведения. С первых же страниц романа бросается в глаза обилие оксюморонов: «благотетельное иго разума», «дикое состояние свободы», «наш долг – заставить их быть счастливыми», «самая трудная и высокая любовь – это жестокость». Это не просто особый язык – это особый тип сознания. Здесь несвобода – счастье, жестокость – проявление любви, а человеческая индивидуальность – преступление.

Е. Замятин не только изобразил в условно-фантастической форме победу техники над человеком, но и сумел показать сущность тоталитарного социально – политического режима. Мир в романе Е. Замятина дан через восприятие человека с пробуждающейся душой: нравственные ценности, которые исповедует сам автор, становятся все более дороги герою. Главный вопрос, который поставил Е. Замятин в своем романе: выстоит ли человек перед всё усиливающимся насилием над его совестью, душой, волей?

Герой антиутопии должен испытать сомнение в логических посылах системы, которая норовит, как мечталось конструкторам Единого Государства, сделать человека вполне «машиноравным». Он должен пережить это сомнение как кульминацию своей жизни, пусть даже развязка окажется трагической, как у Е. Замятина. Такой конфликт с неизбежностью появится в антиутопии, если она принадлежит искусству. Потребность в нем идет от художественного постижения мира. Описывая социальные структуры, притягивающие на совершенство и ограничиваясь их сатирическим ниспровержением, антиутопия в лучшем случае осталась бы полезной иллюстрацией теорий, доказывающих несостоятельность технократических и тоталитарных режимов как способа разрешить стоящие перед человечеством проблемы. Истинно художественное произведение подобным назначением удовлетвориться не может. Его область – человек, впрямую столкнувшийся с силами, старательно разрушающими естественный цикл бытия, чтобы придать ему законченную рацио-

нальную стройность. Никакая обличительность, никакой гротеск не дадут необходимого художественного результата, пока эти силы остаются у писателя как бы посторонними, не вторгающимися в реальную человеческую судьбу самым непосредственным образом.

Обманчиво впечатление, будто картина нежелательного будущего составляет для антиутопии единственную и главную заботу. В антиутопии всегда изображено насилие над историей, которую упрощают, стараясь выстроить ради безжизненного идеала. Герою антиутопии суждено пережить это насилие как собственную жизненную драму, и человека она ставит перед нравственным выбором. Автор предупреждает об опасности слепого следования догматической социальной идее. Е. Замятин не скрывает: ситуация трагична, ибо одурманенные идеологической обработкой, потерявшие бдительность люди могут по своей воле сделать необратимый шаг, следствием которого будет ампутация души. Но пока уникальность души остается, человек сохраняет право на свободу. В романе «Мы» нет отчаяния. Единое Государство может покорить человека, лишь уничтожив его.

Социальная история XX века обусловила распространение антиутопий. И первым, кто в русской литературе услышал биение времени и блестяще выразил его, предупреждая современников о противоречиях эпохи, был Е. Замятин. Следом за ним и в скором времени к данному жанру обратились М.А. Булгаков со своими «Роковыми яйцами» и «Собачьим сердцем», А.П. Платонов с «Чевенгуром» и «Котлованом».

В третьей главе – «Своеобразие антиутопий в творчестве М.А. Булгакова, А.П. Платонова» – рассматриваются вопросы становления жанра антиутопии в романе «Чевенгур» и повести «Котлован» А. Платонова; выделяются типологические и индивидуальные черты антиутопии в творчестве М.А. Булгакова, А.П. Платонова.

¹ В первом параграфе «Повести-предупреждения М.А. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце» анализируются произведения писателя, в которых сатира становится не только средством констатации, но и предупреждения.

Повесть «Роковые яйца» пронизана трагическими символами крови, огня, мрака, смерти. В ней царит рок, трагическая судьба. Н.М. Карамзин в своё время отмечал: «Покойная французская рево-

люция оставила семя, как саранча из него вылезают гадкие насекомые»¹.

М. Булгаков показал, что роковые яйца революции, как и трихины из вешего сна Раскольникова, долго еще будут порождать зло, распри, смуту, огонь и кровь.

В повести «Роковые яйца» значительную роль играет фантастика. В сюжете произведения множество самых невероятных событий и случайных стечений обстоятельств. Автор словно специально нагнетает такие случайности, не заботясь о том, чтобы они были сколько-нибудь правдоподобными. Но за аллегорическими образами и картинками нетрудно распознать события реальные или, по крайней мере, вполне возможные.

В рассказе «Похождение Чичикова» М. Булгаков изображал гоголевских героев, приспособившихся к жизни в красной столице. Его Чичиков устраивал себе и родственникам академические пайки и продавал Коробочке за бесценок здание Манежа. Это была сатира на настоящее. В «Роковых яйцах» он беспокоился о будущем, потому что революция пробуждала огромную энергию в людях не только мыслящих и сознающих свою ответственность перед народом, но и невежественных, бесчестных. Порою именно таких людей этот процесс возносит на огромную высоту, и уже от них немало зависит его дальнейший ход.

«Собачье сердце» – шедевр булгаковской сатиры. И здесь писатель идет вслед своему учителю Н. Гоголю, его «Запискам сумасшедшего», где в одной из глав духовно изувеченный обществом человек показан с собачьей точки зрения и где говорится: «Собаки – народ умный». Тема повести – человек как существо общественное, над которым тоталитарное общество и государство производят бесчеловечный эксперимент. Поэтому «Собачье сердце» можно прочесть «... и как опыт художественной антропологии и патологоанатомии, показавший удивительные духовные превращения человека под бестрепетным скальпелем истории»².

Философ Сергей Булгаков в книге «На пиру богов» (1918), столь внимательно прочитанной автором «Собачьего сердца», с ин-

¹ Н.М. Карамзин и вольные каменщики: историко-биографические аспекты. – М: Олма-пресс, 1999. – С. 83.

² Воспоминания о будущем (перечитывая «Мы» Е.Замятина и «Собачье сердце» М.Булгакова) // Подъем. – 1995. – №7. – С. 13.

тересом и ужасом наблюдал за страшными искажениями в душах и облике людей революционной эпохи. Михаил Булгаков рассказал об этом как социальный художник, великий сатирик и научный фантаст.

В своем произведении М. Булгаков показывает грозящую обществу перспективу появления Шариковых, их власть в новом обществе. В масштабах одной квартиры и одной человеческой ячейки видится символ страны, грозное предупреждение возможных несчастий, если восторжествует вульгарное, мещанское понимание революции, лавочный подход к социализму.

Сатирическая фантастика предупреждала о том, что может привести к стагнации, к потере духовного начала. Это задачи антиутопии, а не утопии. В связи с этим произведения М. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце» можно считать классикой жанра антиутопии.

Во *втором параграфе третьей главы* анализируется художественная концепция произведений А.П. Платонова «Чевенгур» и «Котлован», в которых речь идет о грядущем Апокалипсисе, подготовленном сформировавшейся коллективной психологией в 20-е годы XX столетия. Эта тема получает особенное звучание на поворотных вехах развития человечества, своеобразных переломных рубежах.

Роман «Чевенгур» рассказывает об Октябрьской революции, о людях, которые защищали революцию в гражданской войне, о «строителях страны», об их идеях, мыслях, переживаниях. Народ воспринял революцию по-своему – в духе библейских мифов о сотворении мира. Не случайно в пролетарской поэзии тех лет слышится лексика библейских пророков. Слова о сотворении мира, десяти днях, потрясших мир, образ Христа рядом с красногвардейцами, – все это отзвуки того мифа, который творил о революции народ.

В романе «Чевенгур» сталкиваются утопические надежды перестроить мир «по коммунистическому велению» и «хотению масс» с необходимостью повседневной, кропотливой работы, организации учета, строгой дисциплины. Его герои наивно надеются, что «социализм где-нибудь нечаянно получится, потому что людям некуда деться, как только сложиться вместе от страха бедствий и для усилия нужды». Столкновение утопических представлений о коммунизме с реальной практикой строительства социализма точно зафик-

сировано А.Платоновым, причем писателю удалось показать глубину этой проблемы и ее социальные противоречия.

Роман «Чевенгур» состоит из двух частей: повести-притчи «Происхождение мастера» и собственно романа «Чевенгур», который по своему жанру относится к антиутопии, но антиутопии особенной даже при сопоставлении с произведениями Е. Замятина. Там главенствует знание о том, что могло бы стать с жизнью, если не предотвратить опасностей уже зародившихся и пришедших в рост. А. Платонов подразумевает реальное состояние мира, и его гротеск принадлежит «незавершенному настоящему». Всегда присутствующая в утопическом повествовании область «дальнего идеала» у А. Платонова приближена к настоящему на кратчайшее расстояние. Общество, где работать будет только солнце, назначенное «всемирным пролетарием» приказным порядком, объявляет не на фантастических пространствах, а в российском захолустье, которое еще недавно опаляли всполохи догорающей гражданской войны. Это сразу сказывается и на характере коллизий, и на выборе персонажей. Роман весь растет из перевернутой действительности первых революционных лет, когда вовсе не фантомом, а очень распространенным побуждением было, расчистив жизнь от всего «гнетущего элемента», одним махом проложить дорогу в коммунизм, отделаться от «тайны времени», стать, как потом выразился Кондров из хроники «Впрок» (бедняцкая хроника «Впрок», 1931), «умнее разума». Чепурный, Копенкин и другие чевенгурские большевики заключают в себе слишком многое от этой стихии обновленческого нетерпения и неистовства, чтобы они поладили с притчей, которой свойственна обобщенность типажей, не нуждающихся в узнаваемости прототипа. В каждом из них несложно различить отпечаток социальной психологии времени, о котором написан роман. А. Платонов знал, какой опустошительной в своих последствиях бывает гипертрофированная революционная страсть, но за чевенгурскими экспериментами он разглядел и угрозы куда более зловещие.

«Чевенгур» – роман-предупреждение. Он предсказывал новый взрыв утопических иллюзий. Иллюзий, опасных освобождением энергии насилия для возведения здания коммунизма. А. Платонов предупреждал о возможных последствиях равенства в бедности. В этом предупреждении была и мысль о новых человеческих жертвах, о разрушении экономических связей, об ожесточении сердец, о понижении общего интеллектуального уровня, все больше низводимо-

го к однозначным решениям, приказу и исполнению, о потере родственных связей, духовных запросов и личной, независимой мысли.

С высоты сегодняшних дней трагический финал романа приобретает особое звучание, ибо приходится констатировать, что А. Платонов был прав в своих прогнозах.

Повесть «Котлован» стала органичным продолжением некоторых мотивов «Чевенгура». В «Котловане» сквозь условный художественный мир проступают социально-исторические реалии 1929-30 годов. И здесь еще строят утопический город счастья, но каждый реальный шаг строителей разрушает надежды на мечту.

Конфликты в «Котловане» тоже самые реальные. Они обострены до предела, на грани жизни и смерти. Убивают активистов. Убивают их действительных или мнимых убийц. Сочится из подворотен кровь зарезанных животных. Стоит над деревней бабий стон и плач. Поп, остриженный под фокстрот, для подачи активу составляет «листки» с обозначением человека, осенившего себя крестом. И сам объясняет свою судьбу: «Мне, товарищ, жить бесполезно ... я не чувствую больше прелести творения – я остался без Бога, а Бог - без человека».

И вместе с тем эта темная, вывороченная наизнанку жизнь представляется фантастической. Один из убийц Сафронова и Козлова сам пришел, лег среди покойников и умер. Нежелающие вступать в колхоз заваливаются в заранее приготовленные гробы, чтобы умереть. Фантастична фигура молотобойца, превратившегося в самого натурального седого медведя и т. д.

В художественной структуре произведения конкретно-исторические реалии (первая пятилетка с ее заведомо невыполнимыми «встречными» планами), библейские мотивы (Вавилонская башня как символ человеческой гордыни), отголоски разного рода утопических теорий и концепций служат для предупреждения, что «котлован» – это путь к забвению человеком своей духовной сущности, к подчинению всех внутренних ресурсов личности отвлеченной догматической идеи.

Делая вывод, следует сказать, что никакая утопия не может замыкаться конечным, однако ее претензии окажутся ложными и в том случае, когда историю и земную реальность игнорируют, безоглядно воспаряя к высотам идеала, каким бы он ни был. Весь опыт антиутопии XX в. служит этому подтверждением.

Антиутопия по-своему и на неподдельной глубине осмыслила этот социальный и духовный процесс не для того, чтобы самой впасть в мистическое отрицание, но с целью отказаться от мифов, указать тупики, облегчив поиск их преодоления. И эта ее заслуга бесспорна. Мы не ошибемся, если перекрестком утопии и антиутопии назовем XX век. Симптоматично, что каждое десятилетие отмечено появлением антиутопий: «Приглашение на казнь» В. Набокова, «Любимов» А. Синаевского, «Москва 2024» В. Войновича, «Зияющие высоты» А. Зиновьева, «Покушение на миражи» Тендрякова, «Кролики и удавы» Фазиля Искандера, «Невозвращенец» А. Кабакова, «Тавро Кассандры» Ч. Айтматова и др. Объединяет их огромная ответственность, которую писатели возлагают на человека. «Только искоренение бед и пороков каждым человеком, начиная с себя, и всеми вместе, всем родом людским, может обновить перспективы жизни»¹ - такова идея антиутопии, убежденной в том, что человек ответственен за происходящее на земле. «Антиутопия не утонула в волнах истории, – отмечает Всеволод Сахаров. – Она и сегодня помогает понять жизнь и самих себя, продолжает утверждать идею высокого гуманистического искусства – «восстановление погибшего человека»².

Заключение диссертации содержит общие выводы. Анализ творчества Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.П. Платонова позволил уточнить представление о системе жанров литературы 20-х годов. Наряду с героико-романтической жанровой тенденцией в русской литературе 20-х годов, породившей утопические представления о революции, как воплощении мечты об идеальном устройстве общества, появляется негативная утопия или антиутопия.

В антиутопии четко выражено присутствие автора, определяющего отношение к проблеме «человек и мир». При этом авторы антиутопий для выражения ведущей проблематики уклоняются от традиционного психологического письма в сторону гротеска, сатиры, фантастики, философской притчи, антиробинзонады. Отказавшись от привычных беллетристических сюжетов и героев, антиутопия перешла к освоению «мифологического письма». Коренным

¹ Сараскина Л. Страна для эксперимента // Октябрь. – 1990. – №3. – С.162.

² Сахаров Вс. Сатира должна идти до конца («Роковые яйца» и «Собачье сердце» М.А. Булгакова). М.: Олма-пресс. – 2005. – С.19.

свойством антиутопии является то, что она всегда оспаривает миф, создаваемый утопистами.

Для классической утопии элемент социальной мифологии обязателен; он может быть выражен с большей или меньшей отчетливостью и последовательностью, однако присутствует всегда.

Антиутопия и миф – понятия, связанные одно с другим отношениями несовместимости. Миф, предполагающий безоглядную веру в предмет вымысла, в антиутопии испытывается с целью проверить не столько его осуществимость, сколько нравственность его оснований.

Е.И. Замятин, М.А. Булгаков, А.П. Платонов отказываются от эстетики ради этики, от привычной беллетристической манеры ради обнажения своей гражданской и нравственно-философской позиции. По своему существу антиутопия является опытом социальной диагностики, а литературные приемы, свойственные всякому утопическому повествованию (условные острова, планеты, эпохи), – способ, помогающий сделать диагноз насколько можно точным.

Это позволяет сделать еще один важный вывод, что антиутопия – это тип художественно-философского синтеза, особый тип художественности. Именно это обстоятельство позволило решить проблему перехода жанра утопии в антиутопию, выявить типологические и индивидуальные особенности художественного постижения действительности Е.И. Замятиным, М.А. Булгаковым, А.П. Платоновым, исследовать субстанциональные пласты коллективной психологии – ментальность целой эпохи.

Основные положения работы отражены в публикациях:

1. Жанровое своеобразие современной повести и литературный процесс. // Наука, молодежь и образование в XXI веке. – Каракол, 2001. – С. 17-28.
2. Некоторые аспекты изучения жанра антиутопии по роману Е. Замятина «Мы». // Кыргыз тили жана адабияты. – 2002. – №4. – С. 95-99.
3. Повесть-предупреждение М. Булгакова «Собачье сердце» // Кыргыз тили жана адабияты. Бишкекский гуманитарный университет. Бишкек. – 2004, №6. – С. 118-120.
4. «Золотой век» в русской литературе. // Вестник Исык-Кульского университета. – 2004. – №10. – С. 185-188.

5. Элементы антиутопии, их своеобразие в романе «Чевенгур» // Вестник Исык-Кульского университета. – 2004. – №11. – С. 185-188.
6. Ф. Достоевский. Мечтатель или предсказатель социальных катастроф. // Модернизация содержания, технология обучения и воспитания: мировой опыт и проблемы: Международная научно-практическая конференция 5-6 июля 2007. – Москва – Каракол, ЫГУ, 2007. – С. 117-120.
7. Некоторые аспекты изучения русской литературы 20-х гг. XX в. в ЫГУ им. К. Тыныстанова. // Русский язык в образовательном пространстве Центрально-азиатского региона СНГ: Международная научно-практическая конференция 15-19 августа 2007. – Москва - Бишкек: КРСУ, 2007. – С. 216-219.
8. Парадоксы повести А. Платонова «Котлован» // Вестник КазНУ. Серия филологическая №1 (109). Алматы, 2007. 0,5.авт. л.
9. Учебно-методическое пособие: От утопии к антиутопии (на материале произведений Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова): – Бишкек – Каракол, 2008 (в печати).

Плех Зоя Ивановна

XX кылымдын 20-жылдарындагы антиутопия жанрынын калыптанышы (Е. Замятин, А. Платонов, М. Булгаковдордун чыгармаларынын материалынын негизинде)

Филология илимдеринин кандидаты окумуштуулук даражасына изденүү.

Адрестик 10.01.02. -Орус адабияты (филология илимдери)

Зоя Ивановна Плехтин филология илимдеринин кандидаты окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертациясында жанр, утопия, антиутопия, негативная утопия, ухрония, фантастика, гротеск, сатира, философиялык притча, антиробинзонада, миф, түшүнүктөрү каралган.

Диссертациялык изилдоо утопия жанрынын антиутопияга өтүшүнүн законченемдүүлүктөрүн белгилейт. Ириде орус адабиятында октябрь мезгилинен кийин адабий жанр катары антиутопиянын озгочо белгилери келип чыкканын көрсөтөт. Доордук нравалык-философиялык мазмунун чагылдырган процесстердин законченемдүүлүктөрү изилденет.

Иштин негизине жаткан салыштырма-типологиялык талдоо методу В.И. Замятин, М.А. Булгаков, А.П. Платоновдун чыгармачылык изденүүлөрүндөгү жалпы жана индивидуалдуулукту көрсөтүү, В.Замятиндин «Биз» романындагы, А. Платоновдун «Чевенгур», «Котлован», М. Булгаковдун «Роковые яйца» («Балээлуу жумурткалар») «Иштин жүрөгү» повесттеринде сатира, фантастиканын, философиялык притчанын орду жана ролу ачылып, азыркы адабиятта антиутопия жанрынын короңголүүлүгүн алып чыкты, бул диссертациялык иштин илимий жаңылыгын аныктады.

Диссертациянын материалдары жогорку окуу жайларында XX кылымдагы орус адабиятынын тарыхы боюнча, курстарда атайын курстарда Жана семинарларда, тилчи мугалимдердин ишинде, мугалимдердин билимин жогорулатуу курстарында пайдаланса болот

Плех Зоя Ивановна

Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова)

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Специальность 10.01.02 – Русская литература
(Филологические науки)

Жанр, утопия, антиутопия, негативная утопия, ухрония, фантастика, гротеск, сатира, философская притча, антиробинзонада, миф.

Диссертационное исследование устанавливает закономерность перехода жанра утопии в антиутопию и, прежде всего, в русской литературе послеоктябрьского периода, выявляются специфические черты антиутопии как литературного жанра, изучаются закономерности социального и историко-культурного процесса, отражается нравственно-философское содержание эпохи. Метод сравнительно-исторического анализа, положенный в основу работы, показал общее и индивидуальное в творческих исканиях Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.П. Платонова, определил роль и место сатиры, фантастики, философской притчи в произведениях Е. Замятина «Мы», А.П. Платонова «Чевенгур», «Котлован», М. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце», выявил продуктивность жанра антиутопии в современной литературе, что определило научную новизну данной диссертационной работы.

Материал диссертации может быть использован в вузовских курсах истории русской литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах, в работе учителя-словесника, на курсах повышения квалификации учителей.

The resume

Plekh Zoya Ivanovna

The problem of growing of antiutopia genre in the
Russian literature 20th years of XX century
(in the materials of E. Zamyatin's, M. Bulgakov's,
A. Platonov's work)

(to the question of the genre's formation of the antiutopia in
E. Zamyatin's, M. Bulgakov's, A. Platonov's creative work).

For the competition scientific degree to the candidate of the philo-
logical sciences.

Speciality 10.01.02. – Russian literature
(philological sciences)

Genre, utopia, antiutopia, negative utopia, fantastic, grotesque,
satire, philosophical parable, myth.

The thesis's research establishes regularity of the transition of the
genre, the utopia into the antiutopia, and first of all in the Russian litera-
ture after the Great October period, discovers the specific features of the
antiutopia as the literatural genre, studies the regularities of the vitality
process, reflects of the moral - philosophical keeping of the epoch.

The method of the comparative – typological analysis which was put
into the base of the work, has shown general and individual in E.I.
Zamyatin's, M.A. Bulgakov's, A.P. Platonov's creative searching, has
determined the role and spot of the satire, fantastic, philosophical parable
in E.Zamyatin's novel «We», A. Platonov's novels «Chevingur», «Foun-
dation area», M. Bulgakov's stories «rock eggs» , « Dog's heart» , has
discovered the productivity of the genre of the antiutopia in modern litera-
ture that has determined scientific novelty of this thesis's work.

The material of the thesis may be used in the higher educational in-
stitution's, courses of the history of the Russian literature of XX century,
in the extracourses and extraseminars, in word – teacher's work, in the
courses of qualification's rise of teachers.

Плех З. И.

Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX
века (на материале произведений
Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова)

АВТОРЕФЕРАТ

Формат 60×84 1/16. Гарнитура "Times New Roman". Бумага "Хероx".
Объем 1.87 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ 224 .

Отпечатано в полиграфическом комплексе ИГУ им. К. Тыныстанова
г. Каракол, ул. Абдрахманова, 103.